

Сборник стихов. А. А. Блок blokaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://blokaalexander.ru/> Приятного чтения!

Сборник стихов. А. А. Блок

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»
Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре – серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.
Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг – суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.
И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал
Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, – и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.
Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!
«Сижу за ширмой. У меня...»

Сижу за ширмой. У меня
Такие крохотные ножки...
Такие ручки у меня,
Такое тесное окошко...
Тепло и темно. Я гашу
Свечу, которую приносят,
Но благодарность приношу...
Меня давно развлечься просят,
Но эти ручки... Я влюблен
В мою морщинистую кожу...
Могу увидеть сладкий сон,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вот этих бликов на окошке...
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здесь тепло.
Здесь кто-то есть. Не надо свечки.
Глаза бездонны, как стекло.
На ручке сморщенной – колечки.
18 октября 1903

«Твое лицо мне так знакомо...»

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там,
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?

Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался – ты сидела,
Я подошел – ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье – нет ответа,
Платок мелькнает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.
«Многое замолкло. Многие ушли...»

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.
Но остались песни, и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой – одни.
Всё, что миновалось, вот оно – смотри:
Бледная улыбка утренней зари.
Сердце всё открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидеть.
Июнь 1903

Демон

Иди, иди за мной – покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гре бень горный
Взлечу уверенно с тобой.
Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный –
Лишь вдохновеньем для меня.
Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.
И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.
Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?
Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, –
Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.
И, онемев от удивленья,
Ты у'зришь новые миры –
Невероятные виденья,
Создания моей игры...
Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.
И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,

Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...
9 июня 1910

«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.
Мир не велик и не богат –
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...
А здесь какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилото ребенка...»
Я тоже – здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира.
Такой приниженный и злой.
Торгуюсь на базарах мира...
Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мои сирый дух – твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...
И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...
Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава – вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...
Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!
И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне;
А люди на могильном камне
Начертят прозвище: ПОЭТ.
«Ушла. Но гиацинты ждали...»

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.
В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.
Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.
Но в имени твоём – безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий розовых.
И, миру дольнему подвластна,
Меж всех – не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна.
Какою верой креплена.
Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой, боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.
«Ночью в саду у меня...»

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она Ивушка,
Грустная ива.
Раннее утро блеснет,
Нежная девушка Зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слёзы кудрями сотрет.
«Ты, может быть, не хочешь угадать...»

Ты, может быть, не хочешь угадать,
Как нежно я люблю тебя, мой гений?
Никто, никто не может так страдать,
Никто из наших новых поколений.
О, страсти нет! Но тайные мечты
Для сердца нежного порой бывают сладки,
Когда хочу я быть везде, где Ты,
И целовать Твоей одежды складки.
Мечтаю я, чтоб не одна душа
Не видела Твоей души нетленной,
И я лишь, смертный, знал, как хороша
Одна она, во всей, во всей вселенной.
Пляски осенние

Волновать меня снова и снова –
В этом тайная воля твоя,
Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.
Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.
Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявша руки
Устремивша руки в зенит.
И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.
Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.
Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могу луга и овраги
Под стопою твоей не сгорать.
С нами, к нам – легкокрылая младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Радость,
И откуда плывет Тишина?
Что полеты времен и желаний –
Только всплески девических рук –
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.
И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневите Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.
И снежники по склонам оврага

Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.
1 октября 1905

«Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит...»

Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит,
Мы, Левконойя, богов оскорбляем страстью познания.
Пусть халдеи одни ум изощряют в гаданьи,
Мы же будем довольны нашим нынешним счастьем.
Дева! узнать не стремись, когда перестанет Юпитер
Скалы у берега крошить волнами Тирренского моря.
Будь разумна, вино очищай для верного друга;
Что в напрасных сомненьях жизнь проводить молодую?
Век завистливый быстро умчится среди рассуждений,
Ты же светлое время лови, – от мглы удаляйся.
Перевод Горация

28 января 1898

Авиатор

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.
Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...
Уж в высоте недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
пропеллер продолжает петь...
Потом – напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух – ясный, как вода...
А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, все земное –
Как бы придавлено к земле...
Но снова в золотом тумане
Как будто – неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!
Все ниже спуск винтообразный,
Все круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...
И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Иши отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!
Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука – мертвее рычага...
Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?
Или восторг самозабвенья
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?
Иль отравил твой мозг несчастный

Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?
1910 – январь 1912

«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь,
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я – твой поклонник и поехт!
Здесь – страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную – постичь ее нет сил.
Там – дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.
Вот – мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!
Сама себе закон – летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе – лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!
И в зареве его – твоя безумна младость...
Всё – музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.
«Ветр налетит, завоет снег...»

Ветр налетит, завоюет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный берег:
Но цвет увял, под снегом никнет:
И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни:
И ночь. И в ночь – тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне:
Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний:
Вдруг – малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.
«Жизнь – без начала и конца...»

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен,
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
«Зачем в моей усталой груди...»

Зачем в моей усталой груди
Так много боли и тоски?
И так ненужны маяки.
И так давно постыли люди
Уныло ждущие Христа.
Лишь дьявола они находят...
И лишь в отчаянье приводят
Извечно лгущие уста.
Кто без намеренья щадит,
Кто без желанья ранит больно.

Иль порываний нам довольно,
И лишь недуг надежный щит.
«Город покинув...»

Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настроен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извожичьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных женщин,
Также не были чужды ему
Девицы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы..
Но все посерело, померкло,
И зренье у спутника – также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?)
«И нам недолго любоваться...»

И нам недолго любоваться
На эти, здешние, пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут дальние миры.
1902

«Вот Он – Христос – в цепях и розах...»

Вот Он – Христос – в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.
В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но лик и синее небо – одно.
Единый, светлый, немного грустный –
За Ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.
И все так близко и так далеко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам, как стезя..
Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.
1905

«Всюду ясность Божия...»

Всюду ясность Божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.

Только верить хочешь все,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротишься,
В самый ясный свет.
1907

«Он занесен – сей жезл железный...»

Он занесен – сей жезл железный –
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.
Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.
И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.
1914

«Распушилась, раскачнулась...»

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья мать улыбнулась
С красного угла.
Отложила молодица
Зимнюю кудель...
Поглядеть, как веселится
В улице апрель.
Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.
И под ветром заметались
Кончики платка,
А проходим примечтались
Алых два цветка.
И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у Бога
И весна пришла.
1914

Вдвоем

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.
В легком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.
Снежный ветер, твоё дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...
Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем – твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!
Ветхая избушка

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.

Бабушка-старушка
Из окна глядит.
Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...
Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом...
В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, –
По домам пора!
Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна –
Ан уж дом растаял,
На дворе – весна!
Ворона

Вот ворона на крыше покатою
Так с зимы и осталась лохматою...
А уж в воздухе – вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...
Вдруг запрыгала в бок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:
Что белеет под нежною травкой?
Вот желтеют под серою лавкой
Прошлогодние мокрые стружки...
Это все у вороны – игрушки.
И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..
И опять снега

И опять, опять снега
Замели следы.
Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.
И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.
И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.
И за тучей снеговой
Задремали корабли –
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.
И в полях гуляет смерть –
Снеговой трубач...
И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...
Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...
8 января 1907

Бледные сказанья

– Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
– Посмотри, как быстролетны
Времена!
Так смеется маска маске,

Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
– Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...
Темный рыцарь вокруг девицы
Заплетает вязь.
Тихо шепчет маска маске,
Злая маска – маске скромной...
Третья – смущена...
И еще темней – на темной
Завесе окна
Темный рыцарь – только мнится...
И стрелчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
– Темный рыцарь, улыбнись...
Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними – тихий танец
Отдаленных встреч...
Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними – тихий танец
Отдаленных встреч.
И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца –
Тонкий цепкий шнур.
И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.
9 января 1907

«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...»

Поэт в изгнаньи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.
Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаньи
Остановился на пути.
Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.
31 марта 1900

«Я вижу блеск, забытый мной...»

Я вижу блеск, забытый мной,
Я вспоминаю на мгновенье
За скрипками иное пенье,
Тот голос, дивный и грудной,
Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его я ныне узнаю,
Теперь, когда бушует вьюга,
Когда былое без следа
Исчезло и чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне о счастье.

«Пусть светит месяц – ночь темна...»

Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, –
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвечает мертвым взглядом
На тусклый взор души больной,
Облитой острым, сладким ядом.
И тщетно, страсти затая,
В холодной мгле передрагсветной
Среди толпы блуждаю я
С одной лишь думою заветной:
Пусть светит месяц – ночь темна.
Пусть жизнь приносит людям счастье, –
В моей душе любви весна
Не сменит бурного ненастья.
январь 1898

«Одной тебе, тебе одной...»

A la tres-chere, a la tres-belle..
Vaude1aire[1]
Одной тебе, тебе одной,
любви и счастья царице,
Тебе прекрасной, молодой
Все жизни лучшие страницы!
Ни верный друг, ни брат, ни мать
Не знают друга, брата, сына,
Одна лишь можешь ты понять
Души неясную кручину.
Ты, ты одна, о, страсть моя,
Моя любовь, моя царица!
Во тьме ночной душа твоя
Блестит, как дальняя зарница.
Февраль – март 1898

«Ты много жил, я больше пел...»

Н. Гуну
Ты много жил, я больше пел...
Ты испытал и жизнь и горе,
Ко мне незримый дух слетел,
Открывший полных звуков море...
Твоя душа уже в цепях;
Ее коснулись вихрь и бури;
Моя – вольна: так тонкий прах
По ветру носится в лазури.
Мой друг, я чувствую давно,
что скоро жизнь меня коснется...
Но сердце в землю снесено
И никогда не встрепенется!
Когда устанем на пути,
И нас покроет смрад туманный,
Ты отдохнуть ко мне приди,
А я – к тебе, мой друг желанный!
февраль – март 1898

«Пора забыться полным счастья сном...»

Пора забыться полным счастья сном,
Довольно нас терзало сладострастье...
Покой везде. Ты слышишь: за окном
Нам соловей пророчит счастье?
Теперь одной любви полны сердца,
Одной любви и неги сладкой,
Всю ночь хочу я плакать без конца
С тобой вдвоем, от всех украдкой.
О, плачь, мой друг! Слеза туманит взор,

И сумрак ночи движется туманно...
Смотри в окно: уснул безмолвный бор,
Качая ветвями таинственно и странно.
Хочу я плакать... Плач моей души
Твоею страстью не прервется...
В безмолвной, сладостной, таинственной тиши
Песнь соловьиная несется...
Февраль – март 1898

«Пусть рассвет глядит нам в очи...»

Пусть рассвет глядит нам в очи,
Соловей поет ночной,
Пусть хоть раз во мраке ночи
Обовью твой стан рукой.
И челнок пойдет, качаясь
В длинных темных камышах,
Ты прильнешь ко мне, ласкаясь,
С жаркой страстью на устах.
Пой любовь, пусть с дивной песней
Голос льется все сильнее,
Ты прекрасней, ты прелестней,
Чем полночный соловей!...
Май 1898 (3 марта 1921)

«Муза в уборе весны постучалась к поэту...»

Муза в уборе весны постучалась к поэту,
Сумраком ночи покрыта, шептала неясные речи;
Благоухали цветов лепестки, занесенные ветром
К ложу земного царя и посланницы неба;
С первой денницей взлетев, положила она, отлетая,
Желтую розу на темных кудрях человека:
Пусть разрушается тело – душа пролетит над пустыней,
Будешь навеки печален и юн, обрученный с богиней.
Май 1898 (Апрель 1918)

«Полный месяц встал над лугом...»

Полный месяц встал над лугом
Неизменным дивным кругом,
Светит и молчит.
Бледный, бледный луг цветущий,
Мрак ночной, по нем ползущий,
Отдыхает, спит.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога
Под луной царит.
Хоть и знаешь: утром рано
Солнце выйдет из тумана,
Поле озарит,
И тогда пройдешь тропинкой,
Где под каждою былинкой
Жизнь кипит.
21 июля 1898, с. Шахматово

«Ловя мгновенья сумрачной печали...»

Ловя мгновенья сумрачной печали,
Мы шли неровной, скользкою стезей.
Минуты счастья, радости нас ждали,
Презрели их, отвергли мы с тобой.
Мы разошлись. Свободны жизни наши,
Забыли мы былые времена,
И думаю, из полной, светлой чаши
Мы счастье пьем, пока не видя дна.
Когда-нибудь, с последней каплей сладкой,
Судьба опять столкнет упрямо нас,

Опять в одну любовь сольет загадкой,
И мы пойдем, лоя печали час.
21 июля 1898

«Она молода и прекрасна была...»

Она молода и прекрасна была
И чистой мадонной осталась,
Как зеркало речки спокойной, светла.
Как сердце мое разрывалось!...
Она беззаботна, как синяя даль,
Как лебедь уснувший, казалась;
Кто знает, быть может, была и печаль...
Как сердце мое разрывалось!...
Когда же мне пела она про любовь,
То песня в душе отзывалась,
Но страсти не ведала пылкая кровь...
Как сердце мое разрывалось!...
27 июля 1898

«Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...»

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула – погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять – во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет – выйдет, не обманет.
Только солнце встанет – сердце солнце встретит.
Июль 1898. Трубицыно (Май 1918)

«В ночи , когда уснет тревога...»

В ночи , когда уснет тревога,
И город скроется во мгле –
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!
Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слезы,
Когда румянится закат!
Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба –
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!
1898 (2 июня 1919)

Servus – reginae

[2]

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.
И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.
Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой – слуга; порою – милый;
И вечно – раб.

14 октября 1899

Сольвейг

Сергею Городецкому
 Сольвейг прибегает на лыжах.
 Ибсен. «Пер Гюнт»
 Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне,
 Улыбнулась пришедшей весне!
 Жил я в бедной и темной избушке моей
 Много дней, меж камней, без огней.
 Но веселый, зеленый твой глаз мне блеснул –
 Я топор широко размахнул!
 Я смеюсь и крушу вековую сосну,
 Я встречаю невесту – весну!
 Пусть над новой избой
 Будет свод голубой –
 Полно соснам скрывать синеву!
 Это небо – твое!
 Это небо – мое!
 Пусть недаром я гордым сльву!
 Жил в лесу, как во сне,
 Пел молитвы сосне,
 Надо мной распростершей красу.
 Ты пришла – и светло,
 Зимний сон разнесло,
 И весна загудела в лесу!
 Слышишь звонкий топор? Видишь радостный взор,
 На тебя устремленный в упор?
 Слышишь песню мою? Я крушу и пою
 Про весеннюю Сольвейг мою!
 Под моим топором, распевая хвалы,
 Раскачнулись в лазури стволы!
 Голос твой – он звончей песен старой сосны!
 Сольвейг! Песня зеленой весны!
 20 февраля 1906

Ангел-хранитель

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле.
 Во мгле, что со мною всегда на земле.
 За то, что ты светлой невестой была,
 За то, что ты тайну мою отняла.
 За то, что связала нас тайна и ночь,
 Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.
 За то, что нам долгая жизнь суждена,
 О, даже за то, что мы – муж и жена!
 За цепи мои и заклатья твои.
 За то, что над нами проклятье семьи.
 За то, что не любишь того, что люблю.
 За то, что о нищих и бедных скорблю.
 За то, что не можем согласно мы жить.
 За то, что хочу и смею убить –
 Отмстить малодушным, кто жил без огня,
 Кто так унижал мой народ и меня!
 Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
 Кто долго не верил огню моему.
 Кто хочет за деньги лишить меня дня,
 Собачью покорность купить у меня...
 За то, что я слаб и смириться готов,
 Что предки мои – поколение рабов,
 И нежности ядом убита душа,
 И эта рука не поднимет ножа...
 Но люблю я тебя и за слабость мою,
 За горькую долю и силу твою.
 Что огнем сожжено и свинцом залито –
 Того разорвать не посмеет никто!
 С тобою смотрел я на эту зарю –

С тобой в эту черную бездну смотрю.
И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!
Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!
Огонь или тьма – впереди?
Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идем?
Вдвоем – неразрывно – навеки вдвоем!
Воскреснем? Погибнем? Умрем?
17 августа 1906

«Я был смущенный и веселый...»

Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся – театр умолк.
Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.
И вот – опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...
Звезда, ушедшая от мира,
Ты над равниной – вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...
Декабрь 1906

«О, весна без конца и без краю...»

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!
Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!
Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!
Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!
И встречаю тебя у порога –
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...
Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами – хмельная мечта!
И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель – я знаю –
Все равно: принимаю тебя!
24 октября 1907

«Когда вы стоите на моем пути...»

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,

Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту –
Что же? Разве я обижу вас?
О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я – сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.
Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные речи о земле и о небе.
Право, я буду рад за вас,
Так как – только влюбленный
Имеет право на звание человека.
6 февраля 1908

«Я помню длительные муки...»

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.
Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;
И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;
И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.
4 марта 1908

«О доблестях, о подвигах, о славе...»

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Перед мной сияло на столе.
Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.
Летели дни, крутясь проклятым роем..
Вино и страсть терзали жизнь мою..
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою..
Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.
Не знаю, где приют твоей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла..
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла..
Уж не мечтать о нежности, о славе,

Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.
30 декабря 1908

На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной –
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...
И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!
7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...
На пути – горючий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.
И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»
Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!
8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, –
Разве знала Ты?
Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим

В криках лебедей.
С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.
И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.
Орлий клёкот над татарским станом
угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
что княжна фатой.
И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.
Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.
И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.
14 июня 1908

4

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...
Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.
И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!
Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.
Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.
Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...
«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром взывают мечи...
31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Вл. Соловьев
Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал.– Молись!
23 декабря 1908

«Как тяжело ходить среди людей...»

Там человек сгорел
Фет
Как тяжело ходить среди людей
И притворятся непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.
И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!
10 мая 1910

«Когда ты загнан и забит...»

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней, –
Тогда – остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушенным садом,
И небо – книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг –
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь –
Все вспыхнет в сердце благодарном,
Ты все благословишь тогда,
Поняв, что жизнь – безмерно боле,
Чем quantum satis3 Бранда воли,
А мир – прекрасен, как всегда.
январь 1911

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...»

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.
Снится – снова я мальчик, и снова любовник,

И овраг, и бурьян.
И в бурьяне – колючий шиповник,
И вечерний туман.
Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.
Этот голос – он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.
2 мая 1912

«Земное сердце стынет вновь...»

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.
Но за любовью – зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья иль избранья.
Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгнуться в стуже лютой!
Уюта – нет. Покоя – нет.
1911–16 февраля 1914

«Была ты всех ярче, верней и прелестней...»

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...
Что было любимо – все мимо, мимо...
Впереди – неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!
1914

Соловьинный сад

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.
Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, – и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.
И кричит, и трубит он, – отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги – прохладный
И тенистый раскинулся сад.
По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.
Крик осла моего раздаётся
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом – отойдет и поет.
И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный

Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, бедный:
«Что, хозяин, раздумался ты?»
Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только все неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...
И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?
Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решеткой мелькает резной.
Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.
И в призывном круженье и пенье
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой,
А хозяин блуждает влюбленный
За ночью, за знойною мглой.
И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня – таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в синюю муть.
И томление все безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.
Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?
А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна.
Не стучал я – сама отворила
Неприступные двери она.
Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.
Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запыстья
Громче, чем в моей нищей мечте.
Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном моем.

5

Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена, –
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!
И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг – виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...
И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»
Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.
6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, –
Ей пригрезился сон про меня.
Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!...
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.
Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибора
Призывающий жалобный крик.
Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.
И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.
7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.
Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...
Где же дом? – И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...
Размахнувшись движеньем знакомым
(Или все еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...
И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.
Я подвинулся, – он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...
А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,

Погоня чужого осла.
1915

Скифы

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!
Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!
Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!
Вы сотни лет глядели на Восток
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!
Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!
О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!
Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!...
Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!
Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...
Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...
Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?
Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...
Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!
А если нет – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века вас будет проклинать
Больное позднее потомство!
Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!
Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,

С монгольской дикою ордою!
Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.
Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!...
В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!
1918

«Его встречали повсюду...»

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.
Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.
Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.
Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.
1902

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.
Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится креңдель булочной,
И раздается детский плач.
И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.
Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бесмысленно кривится диск.
И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной
Как я, смирен и оглушен.
А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.
И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,

Она садится у окна.
И веет древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.
Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.
И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.
В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.
24 апреля 1906, Озерки

«Ночь, улица, фонарь, аптека...»

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь – начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.
10 октября 1912

В углу дивана

Но в камине дозвенели
Угольки.
За окошком догорели
Огоньки.
И на вьюжном море тонут
Корабли.
И над южным морем стонут
Журавли.
Верь лишь мне, ночное сердце,
Я – поэт!
Я какие хочешь сказки
Расскажу
И какие хочешь маски
Приведу.
И пройдут любые тени
При огне,
Странных очерки видений
На стене.
И любой колени склонит
Пред тобой...
И любой цветок уронит
Голубой...
1912

«Барка жизни встала...»

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога

На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с тобою,
Верно, не возьмут!
декабрь 1904

«Ветер принес издалёка...»

Ветер принес издалёка
Песни весенней намека,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.
В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.
Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалёка
Звучные песни твои.
29 января 1901

Гамаюн, птица вещая

[5]

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..
23 февраля 1899

«Своими горькими слезами...»

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...
Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...
Опять – бессильно и напрасно –
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..
И стало все равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие

Гнать удалого лихача...
И все равно, чей вздох, чей шепот, -
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот
Как бы с далекой высоты...
Так - сведены с ума мгновеньем -
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем
Твоим превратностям, любовь!
Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,
Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, -
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...
С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавядя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? -
Не знаю: я забыл тебя.
20 ноября 1908 (осень 1910)

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на жёлтой заре - фонари.
Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе чёрную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.
Ты взглянула. Я встретил смущённо и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблён».
И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступлённо запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...
Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.
Но из глубы зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.
19 апреля 1910

«Я стремлюсь к роскошной воле...»

Там один и был цветок,
Ароматный, несравненный...
Жуковский
Я стремлюсь к роскошной воле,
Мчусь к прекрасной стороне,
Где в широком чистом поле
Хорошо, как в чудном сне.
Там цветут и клевер пышный,
И невинный василек,
Вечно шелест легкий слышно:
Колос клонит... Путь далек!
Есть одно лишь в океане,
Клонит лишь одно траву...
Ты не видишь там, в тумане,
Я увидел - и сорву!

7 августа 1898

«Сумерки, сумерки вешние...»

Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,
Весла и огня за рекой?
Фет
Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.
Отзвуки, песня далекая,
Но различить – не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.
Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.
В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.
16 августа 1901

«Погружался я в море клевера...»

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.
Призывал на битву равнинную –
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.
Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.
Пусть глаза утомятся бессонные,
Запоет, заалеет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку – быль.
18 февраля 1903

«Скрипка стонет под горой...»

Скрипка стонет под горой.
В сонном парке вечер длинный,
Вечер длинный – Лик Невинный,
Образ девушки со мной.
Скрипки стон неутомимый
Напевает мне: «Живи...»
Образ девушки любимой –
Повесть ласковой любви.
Июнь 1903. Vad Naueim.

Рассвет

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.
Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.
Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.
18 ноября 1903

«Бегут неверные дневные тени...»

С. Соловьеву
Бегут неверные дневные тени.
Высок и внятен колокольный зов.
Озарены церковные ступени,
Их камень жив – и ждет твоих шагов.
Ты здесь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков,
И, может быть, цветок весны уронишь
Здесь, в этой мгле, у строгих образов.
Растут невнятно розовые тени,
Высок и внятен колокольный зов,
Ложится мгла на старые ступени...
Я озарен – я жду твоих шагов.
4 января 1902

«Мне снились веселые думы...»

Мне снились веселые думы,
Мне снилось, что я не один...
Под утро проснулся от шума
И треска несущихся льдин.
Я думал о сбывшемся чуде...
А там, наточив топоры,
Веселые красные люди,
Смеясь, разводили костры:
Смолили тяжелые челны...
Река, распевая, несла
И синие льдины, и волны,
И тонкий обломок весла...
Пьяна от веселого шума,
Душа небывалым полна...
Со мною – весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна...
11 марта 1903

«Вхожу я в темные храмы...»

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.
В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.
О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.
О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.
25 октября 1902

«Просыпаюсь я – и в поле туманно...»

Просыпаюсь я – и в поле туманно,
Но с моей вышки – на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.
Когда я в сумерки проходил по дороге,
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.
В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде –
И вы успокойтесь – и забудьте про него.
2 мая 1903

«Ты из шопота слов родилась...»

Ты из шопота слов родилась,
В вечеряющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.
Май 1903

Шаги Командора

В. А. Зоргенфрею
Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном – туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?
Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.
Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...
Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?
Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ – победно и влюбленно –
В снежной мгле поет рожок...
Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...
Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов –
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»
На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа – тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.
В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета – ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! – Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.
Сентябрь 1910 – 16 февраля 1912

«Не легли еще тени вечерние...»

Не легли еще тени вечерние,
А луна уж блеснит на воде.
Всё туманнее, всё суевернее
На душе и на сердце – везде...
Суеверье рождает желанья,
И в туманном и чистом везде
Чует сердце блаженство свидания,
Бледный месяц блеснит на воде...
Кто-то шепчет, поет и любитесь,
Я дыханье мое затаил, –
В этом блеске великое чутось,
Но великое я пережил...
И теперь лишь, как тени вечерние
Начинают ложиться смелей,
Возникают на миг суевернее
Вдохновенья обманутых дней...
5 октября 1899

«Я – Гамлет. Холодеет кровь...»

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.
Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.
6 февраля 1914

«Как день, светла, но непонятна...»

Как день, светла, но непонятна,
Вся – явь, но – как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней – всегда весна.
Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.
Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сияньи глаз и в дрожи плеч.
Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, –
Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти –
Ничто пред холодом ума!..
20 февраля 1914

«Девушка пела в церковном хоре...»

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.
И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.
И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.
Август 1905

«Превратила всё в шутку сначала...»

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла – принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.
И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё – зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.
Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, навеки ушла...
Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое.
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?
29 февраля 1916

«По улицам метель метет...»

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.
Ведет – и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.
Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между –
И буду в струйном лепете.
И шепчет он – не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.
Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»
Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!
Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!
26 октября 1907

«И вновь – порывы юных лет...»

И вновь – порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было – и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!
Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,
И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,
Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
Что все уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, –
И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!
1912

«Я вам поведал неземное...»

Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье – топор. В мечте – герои.
Так я причаливал к земле.
Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.
Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Нам нужен бич, а не топор!
И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летающим в облаке огня!
16 апреля 1905

«Принявший мир, как звонкий дар...»

Принявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит пожар –
Глаза твои горят.
Как стало жутко и светло!
Весь город – яркий сноп огня.
Река – прозрачное стекло,
И только – нет меня...
Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене – смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!
Я буду здесь. Мы все горим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огненным,
О, милая моя!
26 октября 1907

В дюнах

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой».
Я рабства не люблю. Свободным взором

Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра –
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду – и запою».
Моя душа проста. Солёный ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней – всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен – нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.
Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Так открывалась новая страна –
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.
Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом – вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...
Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был – как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.
И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она – и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» – и пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»
Июнь – июль 1907, Дюны

На островах

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.
Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой – с пленной – с ней.
Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо

В старинной верности навек?
Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.
Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.
Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту.
И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...
Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...
Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только – продолженье бала,
Из света в сумрак переход...
22 ноября 1909

«Гармоника, гармоника!..»

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!
Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.
Смотрю я – руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...
Неверная, лукавая,
Коварная – пляши!
И будь навек отравою
Растраченной души!
С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты – ночь, и вся ты – тьма,
И вся ты – во хмелю...
Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..
9 ноября 1907

Фабрика

В соседнем доме окна желты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.
И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.
Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины

Внизу собравшийся народ.
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.
24 ноября 1903

«Она пришла с мороза...»

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.
Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.
Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбета».
Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.
Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.
Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.
1908

Балаганчик

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.
Мальчик
Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? Видишь дымки?
Это, верно, сама королева...
Девочка
Ах, нет, зачем ты дразнишь меня?
Это – адская свита...
Королева – та ходит средь белого дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.
Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей – картонный шлем!
А в руке – деревянный меч!»
Заплакали девочка и мальчик.

И закрылся веселый балаганчик.
июль 1905

Перед судом

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня,
Вот какой ты стала – в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!
Я и сам ведь не такой – не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.
Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...
Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.
Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.
Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе – ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...
Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?
Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. –
Все-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?
Эта прядь – такая золотая
Разве не от старого огня? –
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!
11 октября 1915

«О, я хочу безумно жить...»

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!
Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, –
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:
Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!
5 февраля 1914

Россия

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...
Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –

Как слезы первые любви!
Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несусь...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пусть заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...
Ну что ж? Одно заботой боле –
Одной слезой река шумней
А ты все та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...
И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..
1908

«Рожденные в года глухие...»

З. Н. Гиппиус
Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы –
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота – то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, –
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!
8 сентября 1914

Поэты

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.
Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом;
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.
Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и прямо.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.
Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.
Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...
Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!

По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..
Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией купой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!
Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!
24 июля 1908

«Встану я в утро туманное...»

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?
Настежь ворота тяжелые!
Ветром пахнуло в окно!
Песни такие веселые
Не раздавались давно!
С ними и в утро туманное
Солнце и ветер в лицо!
С ними подруга желанная
Всходит ко мне на крыльцо!
3 октября 1901

«Петербургские сумерки снежные...»

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли – точно у девушки нежные,
А о чем – и сама не пойму.
Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое – злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!
Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, –
Как давно они стали ничьи!
Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!
15 марта 1914

«Плачет ребенок. Под лунным серпом...»

Е. П. Иванову
Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.
В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.
Шепчет и клонится злак голубой.
Пляшет горбун под луною двурогой.
Кто-то зовет серебряной трубой.
Кто-то бежит озаренной дорогой.
Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанию, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,

Внемлет горбун ожиданью, дыханью.
В роще косматый беззвучно дрожит.
Месяц упал в озаренные злаки.
Плачет ребенок. И ветер молчит.
Близко труба. И не видно во мраке.
14 декабря 1903

Голос в тучах

Нас море примчало к земле одичалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем звучало,
И было тревожно смотреть в глубину.
Больным и усталым – нам было завидно,
Что где-то в морях веселилась гроза,
А ночь, как блудница, смотрела бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.
Мы с ветром боролись и, брови нахмуря,
Во мраке с трудом различали тропу...
И вот, как посол нарастающей бури,
Пророческий голос ударил в толпу.
Мгновенным зигзагом на каменной круче
Торжественный профиль нам брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной тучи
Веселую песню запела гроза:
«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что радость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,
Туда направляется свет маяка!
Он рыщет, он ищет веселых открытий
И зорким лучом стережет буруны,
И с часу на час ожидает прибытий
Больших кораблей из далекой страны!
Смотрите, как ширятся полосы света,
Как радостен бег закипающих пен!
Как море ликует! Вы слышите – где-то –
За ночью, за бурей – взыванье сирен!»
Казалось, вверху разметались одежды,
Гремящую даль осенила рука...
И мы пробуждались для новой надежды,
Мы знали: нежданная Радость близка!..
А там – горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.
Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали сирены:
Там буря настигла суда рыбаков.
16 декабря 1904

«Идут часы, и дни, и годы...»

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времен...
Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).
Вот меч. Он – был. Но он – не нужен.
Кто обессилил руку мне? –
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,
Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас –

Старинный ужас (дай понять)...
Слова? – Их не было. – Что ж было? –
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...
И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)
И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: Ессе homo!4
Меч выпал. Дрогнула рука...
И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
я был веселым и послушным,
Обезоруженный – служил.
Но час настал. Припоминая,
я вспомнил: Нет, я не слуга.
Так падай, перевяжь цветная!
Хлынь, кровь, и обагри снега!
4 октября 1910

«Мы живем в старинной келье...»

Мы живем в старинной келье
У разлива вод.
Здесь весной кипит веселье,
И река поет.
Но в предвесье веселий,
В день весенних бурь
К нам прольется в двери келий
Светлая лазурь.
И полны заветной дрожью
Долгожданных лет,
Мы помчимся к бездорожью
В несказанный свет.
18 февраля 1902

«Верю в Солнце Завета...»

И Дух и Невеста говорят: прииди.
Апокалипсис
Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.
Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.
Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.
Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.
22 февраля 1902

«Пойми же, я спутал, я спутал...»

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...
Пойми, в этом сумраке – магом

Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...
И ветер поет и пророчит
Мне в будущем – сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!
И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!
О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок.
Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце – летящая птица...
Что в сердце – щемящая лень...
21 октября 1907

«Мы были вместе, помню я...»

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была – моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...
9 марта 1899 (апрель 1918)

«За краткий сон, что нынче снится...»

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра – нет,
Готов и смерти покориться
Младой поэт.
Я не таков: пусть буду снами
Заворожен, –
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.
Опять – тревога, опять – стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье
До новых снов!
25 декабря 1899

«На небе зарево. Глухая ночь мертва...»

На небе зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вокруг меня лесных деревьев громада,
Но явственно доносится молва
Далекого, неведомого града.
Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.
Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.
10 июня 1900

«Одинокий, к тебе прихожу...»

Одинокий, к тебе прихожу,

Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. – Меня не зови. –
Я и сам уж давно ворожу.
От тяжелого бремени лет
я спасался одной ворожкой
И опять ворожу над тобой,
Но не ясен и смутен ответ.
Ворожкой полоненные дни
я лелею года, – не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной темной любви?
1 июня 1901, Шахматово

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...»

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьев
Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.
Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.
О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!
Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.
4 июня 1901, с. Шахматово

«Мы встречались с тобой на закате...»

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.
Были странны безмолвные встречи.
Впереди – на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.
Приближений, сближений, сгораний –
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.
Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло..
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.
13 мая 1902

Две надписи на сборнике

I

Вы предназначены не мне.
Зачем я видел Вас во сне?
Бывает сон – всю ночь один:
Так видит Даму паладин,
Так раненому снится враг,
Изгнаннику – родной очаг,
И капитану – океан,
И деве – розовый туман...
Но сон мой был иным, иным,
Неизъясним, неповторим,
И если он приснится вновь,
Не возвратится к сердцу кровь...

И сам не знаю, для чего
Сна не скрываю моего,
И слов, и строк, ненужных Вам,
Как мне, – забвенью не предам.
II

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, –
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душевной
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас она дала...
1902

Пушкинскому дому

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!
Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке,
Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.
Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.
Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.
Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!
Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?
Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.
Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.
1921

Седое утро

Утро туманное, утро седое...
Тургенев
Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я – который раз подряд –
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинутаго назад, –
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд, как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле.
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».
29 ноября 1913

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. –
В избушке мать, над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».
Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. –
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?
22 марта 1916

Из газет

Встала в сияньи. Крестила детей.
И дети увидели радостный сон.
Положила, до полу клонясь головой,
Последний земной поклон.
Коля проснулся. Радостно вздохнул,
Голубому сну еще рад наяву.
Прокатился и замер стеклянный гул:
Звенящая дверь хлопнула внизу.
Прошли часы. Приходил человек
С оловянной бляхой на теплой шапке.
Стучал и дожидался у двери человек.
Никто не открыл. Играли в прятки.

Были веселые морозные Святки.
Прятали мамин красный платок.
В платке уходила она по утрам.
Сегодня оставила дома платок:
Дети прятали его по углам.
Подкрались сумерки. Детские тени
Запрыгали на стене при свете фонарей.
Кто-то шел по лестнице, считая ступени.
Сосчитал. И заплакал. И постучал у дверей.
Дети прислушались. Отворили двери.
Толстая соседка принесла им щей.
Сказала: «Кушайте». Встала на колени
И, кланяясь, как мама, крестила детей.
Мамочке не больно, розовые детки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человеку, толстой соседке,
Спасибо, спасибо. Мама не могла..
Мамочке хорошо. Мама умерла.
27 декабря 1903

«Ветер хрипит на мосту меж столбами...»

Ветер хрипит на мосту меж столбами,
Черная нить под снегами гудёт.
Чудо ползет под моими санями,
Чудо мне сверху поет и поет..
Всё мне, певучее, тяжело и трудно,
Песни твои, и снега, и костры..
Чудо, я сплю, я устал непробудно.
Чудо, ложись в снеговые бугры!
28 декабря 1903

«Поднимались из тьмы погребов...»

Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.
Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.
Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.
Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.
Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать.
Так же нежно кормила у груди..
В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна..
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.
Не стерег исступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь – мгновенна.
10 сентября 1904

«Я шел к блаженству. Путь блестел...»

я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,

А в сердце, замирая, пел
Далекий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звезды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шел к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.
18 мая 1899

«Дышит утро в окошко твое...»

Дышит утро в окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
Пролетают забытые сны,
Воскресают виденья весны,
И на розовом облаке грез
В вышине чью-то душу пронес
Молодой, народившийся бог..
Покидай же тлетворный чертог,
Улетай в бесконечную высь,
За крылатым виденьем гонись.
Утро знает стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!
5 августа 1899

Неведомому Богу

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли песни окрылишь,
Что так безумны, так случайны?..
О, верь! Я жизнь тебе отдам,
Когда несчастному поэту
Откроешь двери в новый храм,
Укажешь путь из мрака к свету!..
Не ты ли в дальнюю страну,
В страну неведомую ныне,
Введешь меня – я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне!»
22 сентября 1899

Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...»)

Спустилась мгла, туманами чревата.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлет сирый дух бессилие труда,
Тоскующий покой, какая-то утрата.
Как уследишь ты, чем душа больна,
И, милый друг, чем уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимние туманы
Не можем зреть, зачем тоска сильна.
И нашим ли умам поверить, что когда-то
За чей-то грех на нас наложен гнет?
И сам покой тосклив, и нас к земле гнетет
Бессильный труд, безвестная утрата?
22 ноября 1899

«Ярким солнцем, синей далью...»

Ярким солнцем, синей далью
В летний полдень любоваться –
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться..
Кто поймет, измерит оком,
Что за этой синей далью?

Лишь мечтанье о далеком
С непонятною печалью..
17 февраля 1900

«Лениво и тяжело плывут облака...»

Лениво и тяжело плывут облака..
Лениво и тяжело плывут облака
По синему зною небес.
Дорога моя тяжела, далека,
В недвижном томлении лес.
Мой конь утомился, храпит подо мной,
Когда-то родимый приют?..
А там, далеко, из-за чащи лесной
Какую-то песню поют.
И кажется: если бы голос молчал,
Мне было бы трудно дышать,
И конь бы, храпя, на дороге упал,
И я бы не мог доскакать!
Лениво и тяжело плывут облака,
И лес истомленный вокруг.
Дорога моя тяжела, далека,
Но песня – мой спутник и друг.
27 февраля 1900

«Поэт в изгнаньи и в сомненьи...»

Поэт в изгнаньи и в сомненьи
На перепутьи двух дорог.
Ночные гаснут впечатленья,
Восход и бледен и далек.
Всё нет в прошедшем указанья,
Чего желать, куда идти?
И он в сомненьи и в изгнаньи
Остановился на пути.
Но уж в очах горят надежды,
Едва доступные уму,
Что день проснется, вскроет вежды,
И даль привидится ему.
31 марта 1900

«Хоть все по-прежнему певец...»

Хоть все по-прежнему певец
Далеких жизни песен странных
Несет лирический венец
В стихах безвестных и туманных, –
Но к цели близится поэт,
Стремится, истиной влекомый,
И вдруг провидит новый свет
За далью, прежде незнакомой..
5 апреля 1900

«Ищу спасенья...»

О. М. Соловьевой
Ищу спасенья.
Мои огни горят на высях гор –
Всю область ночи озарили.
Но ярче всех – во мне духовный взор
И Ты вдали... Но Ты ли?
Ищу спасенья.
Торжественно звучит на небе звездный хор.
Меня клянут людские поколенья.
Я для Тебя в горах зажег костер,
Но Ты – виденье.
Ищу спасенья.
Устал звучать, смолкает звездный хор.

Уходит ночь. Бежит сомненье.
Там сходишь Ты с далеких светлых гор.
Я ждал Тебя. Я дух к Тебе простер.
В Тебе – спасенье!
25 ноября 1900

«Входите все. Во внутренних покоях...»

С. Соловьеву
Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.
Здесь в них жива святая тайна бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий – здешний свет.
Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.
14 июля 1901

«Я, отрок, зажигаю свечи...»

Имеющий невесту есть жених;
а друг жениха, стоящий и
внимающий ему, радостью
радуется, слыша голос жениха.
От Иоанна, III, 29
Я, отрок, зажигаю свечи,
Огонь кадилыйный берегу.
Она без мысли и без речи
На том смеется берегу.
Люблю вечернее моленье
У Белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой.
Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю белые цветы.
Падет туманная завеса.
Жених сойдет из алтаря.
И от вершин зубчатых леса
Забрежжит брачная заря.
7 июля 1902

«Целый год не дрожало окно...»

Андрею Белому
Целый год не дрожало окно,
Не звенела тяжелая дверь;
Всё забылось – забылось давно,
И она отворилась теперь.
Суетились, поспешно крестясь...
Выносили серебряный гроб...
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снежный сугроб.
Равнодушные лица толпы,
Любопытных соседей набег...
И кругом протоптали тропы,
Осквернив целомудренный снег.
Но, ложась в снеговую постель,
Услыхал заключенный в гробу,
Как вдали запевала метель,
К небесам подымая трубу.
6 января 1903

«У забытых могил пробивалась трава...»

С. Соловьеву
У забытых могил пробивалась трава.
Мы забыли вчера... И забыли слова...
И настала кругом тишина...
Этой смертью отшедших, сгоревших дотла,
Разве Ты не жива? Разве Ты не светла?
Разве сердце Твое – не весна?
Только здесь и дышать, у подножья могил,
Где когда-то я нежные песни сложил
О свиданьи, быть может, с Тобой...
Где впервые в мои восковые черты
Отдаленною жизнью повеяла Ты,
Пробиваясь могильной травой...
1 апреля 1903

«Не доверяй своих дорог...»

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:
Они сломают твой чертог,
Погасят жертвенник заветный.
Все, духом сильные, – одни
Толпы нестройной убегают,
Одни на холмах жгут огни,
Завесы мрака разрывают.
25 июня 1900

«Увижу я, как будет погибать...»

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной.
Пусть одиноки, но радостен мой век,
В уничтожении влюбленный.
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной.
26 июня 1900

«То отголосок юных дней...»

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.
То сон предутренний сошел,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрел
Давно мелькнувшее виденье.
То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.
И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.
То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозаренные туманы.
29 июля 1900

«Отрекись от любимых творений...»

Отрекись от любимых творений,
От людей и общений в миру,
Отрекись от мирских вожделений,
Думай день и молись ввечеру.

Если дух твой горит беспокойно,
Отгоняй вдохновения прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти в неизбежную ночь.
На земле не узнаешь награды.
Духом ясный пред божьим лицом,
Догорай, покидая лампаду,
Одиноким и верным огнем.
1 ноября 1900

«Измучен бурей вдохновенья...»

Измучен бурей вдохновенья,
Весь опален земным огнем,
С холодной жаждой искупленья
Стучался я в господний дом.
Язычник стал христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед Единым
Остаток оскудевших сил.
Стучусь в преддверьи идеала,
Ответа нет... а там, вдали,
Манит, мелькает покрывало
Едва покинутой земли...
Господь не внял моей молитве,
Но чую – силы страстных дней
Дохнули раненому в битве,
Вновь разлились в душе моей.
Мне непонятно счастье рая,
Грядущий мрак, могильный мир...
Назад! Язычница младая
Зовет на дружественный пир!
3 ноября 1900

«Медленно, тяжело и верно...»

Медленно, тяжело и верно
В черную ночь уходя,
Полный надежды безмерной,
Слово молитвы твердя,
Знаю – молитва поможет
Ясной надежде всегда,
Тяжкая верность заложит
Медленный камень труда.
Медленно, тяжело и верно
Мерю ночные пути:
Полному веры безмерной
К утру возможно дойти.
5 декабря 1900

31 декабря 1900 года

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой.
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеется,
А мне – одно:
Боюсь, что в кубке расплеснется
Мое вино.
А между тем – кругом молчанье,
Мой кубок пуст.
и смерти раннее призванье
Не сходит с уст.

И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде – в ночь.
31 декабря 1900

«Отдых напрасен. Дорога крута...»

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.
Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.
Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.
Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?
Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.
Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.
Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.
Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?
28 декабря 1903

«Я вышел. Медленно сходили...»

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувших дней младые были
Пришли доверчиво из тьмы...
Пришли и встали за плечами,
И пели с ветром о весне...
И тихими я шел шагами,
Провидя вечность в глубине..
О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили
И вечности вставляли сны!..
25 января 1901, С.-Петербург

Моей матери («Чем больней душе мятежной...»)

Чем больней душе мятежной,
Тем ясней миры.
Бог лазурный, чистый, нежный
Шлет свои дары.
Шлет невзгоды и печали,
Нежностью объят.
Но чрез них в иные дали
Проникает взгляд.
И больней душе мятежной,
Но ясней миры.
Это бог лазурный, нежный
Шлет свои дары.
8 марта 1901

«В день холодный, в день осенний...»

В день холодный, в день осенний
Я вернусь туда опять
Вспомнить этот вздох весенний,
Прошлый образ увидеть.
Я приду – и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю,

Злые времени законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, бывшие стоны
Не услышишь – я потух.
Самый огонь – слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день – темнее ночи
Усыпленному душой.
27 апреля 1901, Поле за Старой Деревней

«Белой ночью месяц красный...»

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.
Мне провидится и снится
Исполнение тайных дум.
В вас ли доброе таится,
Красный месяц, тихий шум?..
22 мая 1901

«Я жду призыва, ищу ответа...»

Я жду призыва, ищу ответа,
Немее небо, земля в молчаньи,
За желтой нивой – далёко где-то –
На миг проснулось мое воззванье.
Из отголосков далекой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,
Свиданий ясных, но мимолетных.
Я жду – и трепет объемлет новый,
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, боже, ночные души!
На миг проснулось за нивой, где-то,
Далеким эхом мое воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье...
7 июля 1901

«Ты горишь над высокой горою...»

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в своем терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоенье мечту обниму.
Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.
И, когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму, –
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.
18 августа 1901

«Медленно в двери церковные...»

Медленно в двери церковные
Шла я, душой несвободная,
Слышались песни любовные,
Толпы молились народные.
Или в минуту безверия
Он мне послал облегчение?
Часто в церковные двери я
Ныне вхожу без сомнения.

Падают розы вечерние,
Падают тихо, медлительно.
Я же молюсь суевернее,
Плачу и каюсь мучительно.
17 октября 1901

«Будет день – и свершится великое...»

Будет день – и свершится великое,
Чую в будущем подвиг души.
Ты – другая, немая, безлика,
Притаилась, колдуешь в тиши.
Но во что обратишься – не ведаю,
И не знаешь ты, буду ли твой,
А уж Там веселятся победою
Над единой и страшной душой.
23 ноября 1901

«Я долго ждал – ты вышла поздно...»

Я долго ждал – ты вышла поздно,
Но в ожидании ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор и слух.
Когда же первый вспыхнул пламень
И слово к небу понеслось, –
Разбился лед, последний камень
Упал, – и сердце занялось.
Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.
27 ноября 1901

«Ночью вьюга снежная...»

Ночью вьюга снежная
Заметала след.
Розовое, нежное
Утро будит свет.
Встали зори красные,
Озаряя снег.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брег.
Вслед за льдиной синею
В полдень я всплыву.
Деву в снежном инее
Встречу наяву.
5 декабря 1901

Ночь на Новый Год

Лежат холодные туманы,
Горят багровые костры.
Душа морозная Светланы
В мечтах таинственной игры.
Скрипнет снег – сердца займутся –
Снова тихая луна.
За воротами смеются,
Дальше – улица темна.
Дай взгляну на праздник смеха,
Вниз сойду, покрыв лицо!
Ленты красные – помеха,
Милый глянет на крыльцо...
Но туман не шелохнется,
Жду полуночной поры.
Кто-то шепчет и смеется,
И горят, горят костры...

Скрипнет снег – в морозной дали
Тихий крадущийся свет.
Чьи-то санки пробежали..
«Ваше имя?» – Смех в ответ..
Вот поднялся вихорь снежный,
Побелело всё крыльцо..
И смеющийся, и нежный
Закрывает мне лицо..
Лежат холодные туманы,
Бледнея, крадется луна.
Душа задумчивой Светланы
Мечтой чудесной смущена..
31 декабря 1901

«Сны раздумий небывалых...»

Сны раздумий небывалых
Стерегут мой день.
Вот видений запоздалых
Пламенная тень.
Все лучи моей свободы
Заалели там.
Здесь снега и непогоды
Окружили храм.
Все виденья так мгновенны –
Буду ль верить им?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бедный, тленный,
Может быть, любим.
Дни свиданий, дни раздумий
Стерегут в тиши..
Ждать ли пламенных безумий
Молодой души?
Иль, застывши в снежном храме
Не открыв лица,
Встретить брачными дарами
Вестников конца?
3 февраля 1902

«На весенний праздник света...»

На весенний праздник света
Я зову родную тень.
Приходи, не жди рассвета,
Приноси с собою день!
Новый день – не тот, что бьется
С ветром в окна по весне!
Пусть безумолку смеется
Небывалый день в окне!
Мы тогда откроем двери,
И заплачем, и вздохнем,
Наши зимние потери
С легким сердцем понесем..
3 февраля 1902

«Не поймут бескорбные люди...»

Не поймут бескорбные люди
Этих масок, смехов в окне!
Ищу на распутьи безлюдий,
Веселий – не надо мне!
О, странно сладки напевы..
Они кажутся так ясны!
А здесь уже бледные девы
Уготовали путь весны.
Они знают, что мне неведомо,
Но поет теперь лишь одна..

Я за нею – горящим следом –
Всю ночь, всю ночь – у окна!
10 февраля 1902

«Ты – божий день. Мои мечты...»

Ты – божий день. Мои мечты –
Орлы, кричащие в лазури.
Под гневом светлой красоты
Они всечасно в вихре бури.
Стрела пронзает их сердца,
Они летят в паденьи диком..
Но и в паденьи – нет конца
Хвалам, и клёкоте, и крикам!
21 февраля 1902

«Гадай и жди. Среди полночи...»

Гадай и жди. Среди полночи
В твоём окошке, милый друг,
Зажгутся дерзостные очи,
Послышится условный стук.
И мимо, задувая свечи,
Как некий дух, закрыв лицо,
С надеждой невозможной встречи
Пройдет на милое крыльцо.
15 марта 1902

«Я медленно сходил с ума...»

Я медленно сходил с ума
У двери той, которой жажду.
Весенний день сменяла тьма
И только разжигала жажду.
Я плакал, страстью утомясь,
И стоны заглушал угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.
И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.
Весенний день сменяла тьма,
Хладело сердце над могилой.
Я медленно сходил с ума,
Я думал холодно о милой.
Март 1902

«Весна в реке ломает льдины...»

Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.
Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!
Март 1902

«Странных и новых ищу на страницах...»

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шепотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.
Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни – строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.
Блекнут ланиты у дев златокудых,
Зори не вечны, как сны.
Терны венчают смиренных и мудрых
Белым огнем Купины.
4 апреля 1902

«Днем вершу я дела суеты...»

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная – ты
Предо мной затеваешь игру.
Я люблю эту ложь, этот блеск,
Твой манящий девичий наряд,
Вечный гомон и уличный треск,
Фонарей убегающий ряд.
Я люблю, и люблюсь, и жду
Переливчатых красок и слов.
Подойду и опять отойду
В глубины протекающих снов.
Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь..
Завершая дневные дела,
Знаю – вечером снова придешь.
5 апреля 1902

«Люблю высокие соборы...»

Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать,
Входить на сумрачные хоры,
В толпе поющих исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образ дьявольский и дикий
В сию священную броню.
В своей молитве суеверной
Ищу защиты у Христа,
Но из-под маски лицемерной
Смеются лживые уста.
И тихо, с измененным ликом,
В мерцаньи мертвенном свечей,
Бужу я память о Двуликом
В сердцах молящихся людей.
Вот – содрогнулись, смолкли хоры,
В смятеньи бросились бежать..
Люблю высокие соборы,
Душой смиряясь, посещать.
8 апреля 1902

«Брожу в стенах монастыря...»

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брежит бледная заря, –
Слежу мелькания снежинок.
Ах, ночь длинна, заря бледна
На нашем севере угрюмом.
У занесенного окна
Упорным предаюся думам.

Один и тот же снег – белей
Нетронутой и вечной ризы.
И вечно бледный воск свечей,
И убеленные карнизы.
Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.
Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрень и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден..
11 июня 1902, с. Шахматово

«Я и молод, и свеж, и влюблен...»

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленю, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листьям –
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, –
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон.
И до ночи – с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.
31 июля 1902

«Свет в окошке шатался...»

Свет в окошке шатался,
В полумраке – один –
У подъезда шептался
С темнотою арлекин.
Был окутанный мглою
Бело-красный наряд
Наверху – за стеною –
Шутовской маскарад.
Там лицо укрывали
В разноцветную ложь.
Но в руке узнавали
Неизбежную дрожь.
Он – мечом деревянным
Начертал письмена.
Восхищенная странным,
Потуплялась Она.
Восхищенью не веря,
С темнотою – один –
У задумчивой двери
Хохотал арлекин.
6 августа 1902

«Золотистую долиной...»

Золотистую долиной
Ты уходишь, нем и дик.
Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик.
Замер, кажется, в зените
Грустный голос, долгий звук.
Бесконечно тянет нити
Торжествующий паук.

Сквозь прозрачные волокна
Солнце, света не тая,
Праздно бьет в слепые окна
Опустелого жилья.
За нарядные одежды
Осень солнцу отдала
Улетевшие надежды
Вдохновенного тепла.
29 августа 1902

«Я вышел в ночь – узнать, понять...»

Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.
Дорога, под луной бела,
Казалось, наполнилась шагами.
Там только чья-то тень брела
И опустилась за холмами.
И слушал я – и услышал:
Среди дрожащих лунных пятен
Далёко, звонко конь скакал,
И легкий посвист был понятен.
Но здесь, и дальше – ровный звук,
И сердце медленно боролось,
О, как понять, откуда стук,
Откуда будет слышен голос?
И вот, слышнее звон копыт,
И белый конь ко мне несется...
И стало ясно, кто молчит
И на пустом седле смеется.
Я вышел в ночь – узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот.
6 сентября 1902, С.-Петербург

Экклесиаст

Благословляя свет и тень
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда – в хаос безмирный,
Куда склоняется твой день.
Цела серебряная цепь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цветет на дне долины,
И влажным зноем дышит степь.
Идешь ты к дому на горах,
Полдненным солнцем залитая;
Идешь – повязка золотая
В смолистых тонет волосах.
Зачахли каперса цветы,
И вот – кузнечик тяжелеет,
И на дороге ужас веет,
И помрачились высоты.
Молоть устали жернова.
Вегут испуганные стражи,
И всех объемлет призрак вражий,
И долу гнутся деревья.
Всё диким страхом смятено.
Столпились в кучу люди, звери.
И тщетно замыкают двери
Досель смотревшие в окно.
24 сентября 1902

«Явился он на стройном бале...»

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.
Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре – в оконном глянце
Бесшумный появился друг.
Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит – пристальный – один,
Куда за бледной коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.
А там – в углу – под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.
7 октября 1902

«Свобода смотрит в синеву...»

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За желто-красную листву
Уходит месяца отрезок.
Он будет ночью – светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.
Как и тогда, звенит окно.
Но голос мой, как воздух свежий,
Пропел давно, замолк давно
Под тростником у побережий.
Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забытый, блеклый, мертвый колос...
10 октября 1902

«Разгораются тайные знаки...»

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стене
Золотые и красные маки
Надо мной тяготеют во сне.
Укрываюсь в ночные пещеры
И не помню суровых чудес.
На заре – голубые химеры
Смотрят в зеркале ярких небес.
Убегаю в прошедшие миги,
Закрываю от страха глаза,
На листах холодеющей книги –
Золотая девичья коса.
Надо мной небосвод уже низок,
Черный сон тяготеет в груди.
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар – впереди.
Октябрь 1902

«Я их хранил в приделе Иоанна...»

Я их хранил в приделе Иоанна,
Недвижный страж, – хранил огонь лампад.
И вот – Она, и к Ней – моя Осанна –
Венец трудов – превыше всех наград.
Я скрыл лицо, и проходили годы.
Я пребывал в Служеньи много лет.
И вот зажглись лучом вечерним своды,

Она дала мне Царственный Ответ.
Я здесь один хранил и теплил свечи.
Один – пророк – дрожал в дыму кадил.
И в Оный День – один участник Встречи –
я этих Встреч ни с кем не разделил.
8 ноября 1902

«Стою у власти, душой одинок...»

Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.
Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.
И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?
14 ноября 1902

«Запевающий сон, зацветающий цвет...»

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.
Открывая окно, увидел я сирень.
Это было весной – в улетающий день.
Раздышались цветы – и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.
Задышалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.
И не помню – откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгорая, взошла на крыльцо.
Сентябрь–декабрь 1902

«Я к людям не выйду навстречу...»

Я к людям не выйду навстречу,
Испугаюсь хулы и похвал.
Пред Тобой Одной отвечу,
За то, что всю жизнь молчал.
Молчаливые мне понятны,
И люблю обращенных в слух:
За словами – сквозь гул невнятный
Просыпается светлый Дух.
Я выйду на праздник молчанья,
Моего не заметят лица.
Но во мне – потаенное знанье
О любви к Тебе без конца.
14 января 1903

«Потемнели, поблекли залы...»

Потемнели, поблекли залы.
Почернела решетка окна.
У дверей шептались вассалы:
«Королева, королева больна».
И король, нахмуривший брови,
Проходил без пажей и слуг.
И в каждом брошенном слове
Ловили смертный недуг.
У дверей затихнувшей спальни
Я плакал, сжимая кольцо.
Там – в конце галлерей дальней
Кто-то вторил, закрыв лицо.
У дверей Несравненной Дамы

Я рыдал в плаще голубом.
И, шатаясь, вторил тот самый –
Незнакомец с бледным лицом.
4 февраля 1903

«Всё ли спокойно в народе?..»

– Всё ли спокойно в народе?
– Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.
– Все ли готовы подняться?
– Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:
Бродят и песни поют.
– Кто же поставлен у власти?
– Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.
– Кто ж он, народный смиритель?
– Темен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его – и ослеп.
Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...
– Боже! Бежим от Суда!
3 марта 1903

«Отворяются двери – там мерцанья...»

Отворяются двери – там мерцанья,
И за ярким окошком – виденья.
Не знаю – и не скрою незнания,
Но усну – и потекут сновиденья.
В тихом воздухе – тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?
Весна ли за окнами – розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?
17 марта 1903

«Я вырезал посох из дуба...»

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги.
Одежды бедны и грубы,
О, как недостойны подруги!
Но найду, и нищий, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день, ради бога,
Вечеру постучусь в оконце...
И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.
Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной...
25 марта 1903

«Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...»

Ей было пятнадцать лет. Но по стуку

Сердца – невестой быть мне могла.
Когда я, смеясь, предложил ей руку,
Она засмеялась и ушла.
Это было давно. С тех пор проходили
Никому не известные годы и сроки.
Мы редко встречались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.
И зимней ночью, верен сновиденью,
Я вышел из людных и ярких зал,
Где душные маски улыбались пенью,
Где я ее глазами жадно провожал.
И она вышла за мной, покорная,
Сама не ведая, что будет через миг.
И видела лишь ночь городская, черная,
Как прошли и скрылись: невеста и жених.
И в день морозный, солнечный, красный –
Мы встретились в храме – в глубокой тишине:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, – свершилось в вышине.
Этой повестью долгих, блаженных исканий
Полна моя душная, песенная грудь.
Из этих песен создал я зданье,
А другие песни – спую когда-нибудь.
16 июня 1903, Vad Nauheim

«Светлый сон, ты не обманешь...»

Светлый сон, ты не обманешь,
Ляжешь в утренней росе,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосе.
Солнце небо опояшет,
Вот и вечер – весь в огне.
Зайчик розовый запляшет
По цветочкам на стене.
На балконе, где алеют
Мхи старинных баллюстрад,
Деда дремлют и лелеют
Сны французских баррикад.
Мы внимаем ветхим дедам,
Будто статуям из ниш:
Сладко вспомнить за обедом
Старый пламенный Париж,
Протянув больную руку,
Сладко юным погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшем говорить.
И в алеющем закате
На балконе подремать,
В мягком стеганом халате
Перебраться на кровать...
Скажут: «Поздно, мы устали...»
Разойдутся на заре.
Я с тобой останусь в зале,
Лучик ляжет на ковре.
Милый сон, вечерний лучик...
Тени бархатных ресниц...
В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...
25 февраля 1904

«Темная, бледно-зеленая...»

М. А. Олениной д'Альгейм
Темная, бледно-зеленая
Детская комнатка.
Нянюшка бродит сонная.
«Спи, мое дитятко».

В углу – лампадка зеленая.
От нее – золотые лучики.
Нянюшка над постелькой склоненная..
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».
Нянюшка села и задумалась.
Лучики побежали – три лучика.
«Нянюшка, о чем ты задумалась?
Расскажи про святого мученика».
Три лучика. Один тоненький..
«Святой мученик, дитяtko, преставился..
Закрой глазки, мой мальчик сонненький.
Святой мученик от мученья избавился».
23 ноября 1903

«Мой любимый, мой князь, мой жених...»

Мой любимый, мой князь, мой жених,
Ты печален в цветистом лугу.
Повиликой средь нив золотых
Завилась я на том берегу.
Я ловлю твои сны на лету
Бледно-белым прозрачным цветком.
Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым усталым конем.
Ах, бессмертье мое растопчи, –
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свечи
У заутрени бледной зажгу.
В церкви станешь ты, бледен лицом,
И к царице небесной придешь, –
Колыхнусь восковым огоньком,
Дам почувать знакомую дрожь..
Над тобой – как свеча – я тиха.
Пред тобой – как цветок – я нежна.
Жду тебя, моего жениха.
Всё невеста – и вечно жена.
26 марта 1904

«Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..»

Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить мою грудь!
В темных провалах, где дышит гроза,
Вижу зеленые злые глаза.
Ты ли глядишь иль старуха-сова?
Чьи раздаются во мраке слова?
Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?
Знаю – в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.
Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!
Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки дождя,
Чтоб над омытой душой в вышине
День золотой был всерадостен мне!
Декабрь 1906

«В густой траве пропадешь с головой...»

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась..
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.
Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь – тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...
Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой – зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» –
И опять за травой колокольчик звенит...
12 июля 1907

Девушка из Spoleto

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой – мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи –
Дай, как монаху, взойти на костер!
Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, – и люблю!
Мимо, все мимо – ты ветром гонима –
Солнцем палима – Мария! Позволь
Взору – прозреть над тобой херувима,
Сердцу – изведать сладчайшую боль!
Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.
3 июня 1909

«Дух пряный марта был в лунном круге...»

Дух пряный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой вьюге,
Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.
Ты прижималась все суеверней,
И мне казалось – сквозь храп коня –
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.
А шалый ветер, носясь над далью, –
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...
И вдруг – ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступаю,
Безумно плачет о прошлых снах.
6 марта 1910, часовня на Крестовском острове

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой
Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.
Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.
Три ярких глаза набегающих –
Нежней румянец, круче локонов:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...
Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;

В зеленых плакали и пели.
Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...
Лишь раз гусар, рукой небрежную
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул – и поезд в даль умчалось.
Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...
Да что – давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинута
В пустынные глаза вагонов...
Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все больно.
14 июня 1910

Унижение

В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).
Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...
Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...
Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот – дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?
Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?
Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...
В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...
Он не весел – твой свист замогильный...
Чу! опять – бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...
Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я – не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце – острый французский каблук!
6 декабря 1911

«Есть в дикой роце, у оврага...»

Есть в дикой роце, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг – ручья живая влага

Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? –
Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!
3 ноября 1898

Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»)

Друг, посмотри, как в равнине небесной
Дымные тучки плывут под луной,
Видишь, прорезал эфир бестелесный
Свет ее бледный, бездушный, пустой?
Полно смотреть в это звездное море,
Полно стремиться к холодной луне!
Мало ли счастья в житейском просторе?
Мало ли жару в сердечном огне?
Месяц холодный тебе не ответит,
Звезд отдаленных достигнуть нет сил...
Холод могильный везде тебя встретит
В дальней стране безотрадных светил...
июль 1898

«Усталый от дневных блужданий...»

Усталый от дневных блужданий
Уйду порой от суеты
Вспомнить язвы тех страданий,
Встревожить прежние мечты...
Когда б я мог дохнуть ей в душу
Весенним счастьем в зимний день!
О, нет, зачем, зачем разрушу
Ее младенческую лень?
Довольно мне нестись душою
К ее небесным высотам,
Где счастье брежит нам порою,
Но предназначено – не нам.
30 октября 1898

«Мне снилась смерть любимого созданья...»

Мне снилось, что ты умерла.
Гейне
Мне снилась смерть любимого созданья:
Высоко, весь в цветах, угрюмый гроб стоял,
Толпа теснилась вокруг, и речи состраданья
Мне каждый так участливо шептал.
А я смотрел кругом без думы, без участия,
Встречая свысока желавших мне помочь;
Я чувствовал вверху незыблемое счастье,
Вокруг себя – безжалостную ночь.
Я всех благодарил за слово утешенья
И руки жал, и пела мысль в крови:
«Блаженный, вечный дух унес твоё мученье!
Блажен утративший создание любви!»
10 ноября 1898

«Луна проснулась. Город шумный...»

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь всё так тихо, там безумно,
Там всё звенит, – а мы одни...
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости... [6]
14 декабря 1898

«Мне снилась снова ты, в цветах...»

Мне снилась снова ты, в цветах,
на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,
А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта,
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сиянии,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоём благоухании,
С цветами на груди, на голове, в руках...
23 декабря 1898

«Окрай небес – звезда омега...»

Окрай небес – звезда омега,
Весь в искрах, Сириус цветной.
Над головой – немая Вега
Из царства сумрака и снега
Оледенела над землей.
Так ты, холодная богиня,
Над вечно пламенной душой
Царишь и властвуешь поныне,
Как ты холодная святыня
Над вечно пламенной звездой!
27 января 1899

«Милый друг! Ты юною душою...»

Милый друг! Ты юною душою
Так чиста!
Спи пока! Душа моя с тобою,
Красота!
Ты проснешься, будет ночь и выюга
Холодна.
Ты тогда с душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокруг зима и ветер воеет, –
я с тобой!
Друг тебя от зимних бурь укроет
Всей душой!
8 февраля 1899

Песня Офелии

Разлучаясь с девою милой,
Друг, ты клялся мне любить!..
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...
Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...
8 февраля 1899

«Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...»

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы.
Лермонтов
Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет,
Свергает одного, другого создает,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной душой,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватит сил...
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я – равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит – я хладен бесконечно,
Толпа зовет – я нем и недвижим.
23 февраля 1899

«Помнишь ли город тревожный...»

К. М. С.
Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча с тобою мы шли...
Шли мы – луна поднималась
Выше из темных оград,
Ложной дорога казалась –
Я не вернулся назад.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла –
Только во мне шевельнулась
Синяя города мгла...
Помнишь ли город тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Мы безрассудно пошли...
23 августа 1899

«Сама судьба мне завещала...»

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер – до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.
26 мая 1899

«Я стар душой. Какой-то жребий черный...»

Я стар душой. Какой-то жребий черный –
Мой долгий путь.
Тяжелый сон, проклятый и упорный,
Мне душит грудь.

Так мало лет, так много дум ужасных!
Тяжел недуг...
Спаси меня от призраков неясных,
Безвестный друг!
Мне друг один – в сыром ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья – как в темном океане –
Одна печаль.
Я стар душой. Какой-то жребий черный –
Мой долгий путь.
Тяжелый сон – проклятый и упорный –
Мне душит грудь.
6 июня 1899

«Не проливай горячих слез...»

Не проливай горячих слез
Над кратковременной могилой.
Пройдут часы видений, грез,
Вернусь опять в объятья милой.
Не сожалей! Твоим страстям
Готов любовью я ответить,
Но я нашел чистейший храм,
Какого в жизни мне не встретить.
Не призывай! Мирская власть
Не в силах дух сковать поэта.
Во мне – неведомая страсть
Живым огнем небес согрета.
Тебя покину. Скоро вновь
Вернусь к тебе еще блаженней
И обновлю мою любовь
Любовью ярче и нетленней.
8 июня 1899

«Зачем, зачем во мрак небытия...»

Зачем, зачем во мрак небытия
Меня влекут судьбы удары?
Ужели всё, и даже жизнь моя –
Одни мгновенья долгой кары?
Я жить хочу, хоть здесь и счастья нет,
И нечем сердцу веселиться,
Но всё вперед влечет какой-то свет,
И будто им могу светиться!
Пусть призрак он, желанный свет вдали!
Пускай надежды все напрасны!
Но там, – далёко суетной земли, –
Его лучи горят прекрасно!
29 июня 1899

«Город спит, окутан мглюю...»

Город спит, окутан мглюю,
Чуть мерцают фонари...
Там далёко, за Невую,
Вижу отблески зари.
В этом дальнем отраженьи,
В этих отблесках огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливых для меня...
23 августа 1899

«Пока спокойною стопою...»

Пока спокойною стопою
Иду, и мыслю, и пою,
Смеюсь над жалкою толпою
И вздохов ей не отдаю.

Пока душа еще согрета,
И рок велит в себе беречь
И дар незыблемый поэта,
И сцены выпретенную речь...
28 ноября 1899

Dolor ante lucem

[7]

Каждый вечер, лишь только погаснет заря,
Я прощаюсь, желанием смерти горя,
И опять, на рассвете холодного дня,
Жизнь охватит меня и измучит меня!
Я прощаюсь и с добрым, прощаюсь и с злым,
И надежда и ужас разлуки с земным,
А наутро встречаюсь с землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добре тосковать!..
Боже, боже, исполненный власти и сил,
Неужели же всем ты так жить положил,
Чтобы смертный, исполненный утренних грез,
О тебе тосковать без отдыха нес?..
3 декабря 1899

«Медлительной чредой нисходит день осенний...»

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крутится желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист –
Душа не избежит невидимого тленья.
Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружится,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.
5 января 1900

«Восходишь ты, что строгий день...»

Восходишь ты, что строгий день
Перед задумчивой природой.
В твоих чертах ложится тень
Лесной неволи и свободы.
Твой день и ясен и велик,
И озарен каким-то светом,
Но в этом свете каждый миг
Идут виденья – без ответа.
Никто не тронет твой покой
И не нарушит строгой тени.
И ты сольешься со звездой
В пути к обители видений.
25 февраля 1900

«Шли мы стезею лазурною...»

Шли мы стезею лазурною,
Только расстались давно...
В ночь непроглядную, бурную
Вдруг распахнулось окно...
Ты ли, виденье неясное?
Сердце остыло едва...
Чую дыхание страстное,
Прежние слышу слова...
Ветер уносит стенания,
Слезы мешают с дождем...
Хочешь обнять на прощание?
Прошлое вспомнить вдвоем?
Мимо, виденье лазурное!
Сердце сжимает тоской

В ночь непроглядную, бурную
Ветер, да образ былой!
28 февраля 1900

«Разверзлось утреннее око...»

Разверзлось утреннее око,
Сиянье льется без конца.
Мой дух летит туда, к Востоку,
Навстречу помыслам творца.
Когда я день молитвой встречу
На светлой утренней черте, –
Новорожденному навстречу
Пойду в духовной чистоте.
И после странствия земного
В лучах вечернего огня
Душе легко вернуться снова
К молитве завтрашнего дня.
14 марта 1900

«Я шел во тьме дождливой ночи...»

Я шел во тьме дождливой ночи
И в старом доме, у окна,
Узнал задумчивые очи
Моей тоски. – В слезах, одна
Она смотрела в даль сырую..
Я любовался без конца,
Как будто молодость былую
Узнал в чертах ее лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погас – и рассвело.
Сырое утро застучалось
В ее забытое стекло.
15 марта 1900

«Сегодня в ночь одной тропею...»

Сегодня в ночь одной тропею
Тенями грустными прошли
Определенные судьбою
Для разных полюсов земли.
И разошлись в часы рассвета,
И каждый молча сохранял
Другому чуждого завета
Отвека розный идеал..
В тенях сплетенные случайно
С листьями чуждые листы –
Всё за лучом стремятся тайно
Принять привычные черты.
19 марта 1900

«Май жестокий с белыми ночами!..»

Вл. Пясту
Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! –
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!
Хорошо в лугу широком кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,

Страстью, грустью, счастьем изойти,-
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!
28 мая 1908

Равенна

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.
Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.
От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.
Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.
Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.
Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.
А виноградные пустыни,
Дома и люди – всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.
Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.
Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.
Май-июнь 1909

Осенний день

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.
Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.
Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётom журавлиным...
Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Чтоплач осенний значит?
И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...
О, нищая моя страна,

Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?
1 января 1909

Художник

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.
Вот он – возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.
С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?
Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого – нет.
И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, –
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил – убил.
И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.
Вот моя клетка – стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.
Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду – и скучаю опять.
12 декабря 1913

Двенадцать

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем божьем свете!
Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком – ледок.
Скользко, тяжело,
Всякий ходок
Скользит – ах, бедняжка!
От здания к зданию
Протянут канат.
На канате – плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается – плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий – раздет, разут...
Старушка, как курица,

Кой-как перемотнулась через сугроб.
– Ох, Матушка-Заступница!
– Ох, большевики загонят в гроб!
Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.
А это кто? – Длинные волосы
И говорит в полголоса:
– Предатели!
– Погибла Россия!
Должно быть, писатель –
Вития...
А вон и долгополый –
Стороночкой и за сугроб...
Что нынче не веселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?
Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
– Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И – бац – растянулась!
Ай, ай!
Тяни, подымай!
Ветер веселый.
И зол и рад.
Крутит подола,
Прохожих косит.
Рвет, мнет и носит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
И слова доносит:
...и у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили –
Постановили:
На время – десять, на ночь – двадцать пять...
...и меньше ни с кого не брать...
...Пойдем спать...
Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...
Эй, бедняга!
Подходи –
Поцелуемся...
Хлеба!
Что впереди?
Проходи!
Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди
в оба!
2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни
Кругом – огни, огни, огни...
В зубах цигарка, примят картуз,
На спину надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!
Холодно, товарищи, холодно!
– А Ванька с Катькой в кабаке...
– У ей керенки есть в чулке!
– Ванюшка сам теперь богат...
– Был Ванька наш, а стал солдат!
– Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!
Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята –
Чем, чем занята?..
Тра-та-та!
Кругом – огни, огни, огни...
Оплечь – ружейные ремни...
Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнём-ка пулей в Святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста!
3

Как пошли наши ребята
В Красной Армии служить –
В Красной Армии служить –
Буйну голову сложить!
Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житьё!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружьё!
Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи благослови!
4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит –
Электрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!
Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...
Вот так Ванька – он плечист!
Вот так Ванька – он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...
Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...
5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!
Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!
В кружевном белье ходила –

Походи-ка, походи!
С офицерами блудила –
Поблуди-ка, поблуди!
Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!
Помнишь, Катя, офицера –
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?
Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!
Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала.
С юнкерьем гулять ходила –
С солдатьем теперь пошла?
Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!
6

..Опять навстречу несётся вскач,
Летит, вопит, орет лихач...
Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзади забегай!..
Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!
Вскрутился к небу снежный прах!..
Лихач – и с Ванькой – наутёк...
Ещё разок! Взводи курок!..
Трах-тарарах! Ты будешь знать,
.
Как с девочкой чужой гулять!..
Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!
А Катька где? – Мертва, мертва!
Простреленная голова!
Что, Катька, рада? – Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу!
Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!
7

И опять идут двенадцать,
За плечами – ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...
Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее –
Не оправится никак...
– Что, товарищ, ты не весел?
– Что, дружок, оторопел?
– Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?
– Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...
– Из-за удали бедовой
В огневых её очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!
– Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
– Верно душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
– Поддержи свою осанку!
– Над собой держи контроль!

– Не такое нынче время,
что бы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!
И Петруха замедляет
Торопливые шаги...
Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...
Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба!

8

Ох ты горе-горькое!
Скука скучная,
Смертная!
Ужь я времячко
Проведу, проведу...
Ужь я темячко
Почешу, почешу...
Ужь я семячки
Полущу, полущу...
Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..
Ты лети, буржуй, вороньшком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...
Упокойся, господи, душу рабы твоея...
Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского –
Гуляй, ребята, без вина!
Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жметесь шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.
Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!
Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...
– Ох, пурга какая, спасе!
– Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво –
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
– Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать – вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...
Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые –
Не утянешь сапога...
В очи бьется
Красный флаг.
Раздается
Мерный шаг.
Вот – проснется
Лютый враг...
И вьюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет!...
Вперёд, вперёд,
Рабочий народ!
12

...Вдаль идут державным шагом...
– Кто ещё там? Выходи!
Это – ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...
Впереди – сугроб холодный.
– Кто в сугробе – выходи!
Только нищий пёс голодный
Ковыляет позади...
– Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком щекеочу!
Старый мир, как пёс паршивый,
Провались – поколочу!
...Скалит зубы – волк голодный –
Хвост поджал – не отстаёт –
Пёс холодный – пёс безродный...
– Эй, откликнись, кто идет?
– Кто там машет красным флагом?
– Приглядись-ка, эка тьма!
– Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?
– Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
– Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!
Трах-тах-тах! – И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...
Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах!
...Так идут державным шагом –
Позади – голодный пёс.
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой неведим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Исус Христос.
Январь 1918

«Я помню нежность ваших плеч...»

Я помню нежность ваших плеч

Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шутки.
Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.
И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света –
Взор, полный долгого привета,
И тайна верности ... твоей.
1 июля 1914

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки, –
что нужны? – я вижу печальное шествие ночи.
Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось, –
Молилось и пело тебя, но ведь ты – не царица.
Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятия, – тащиться без важного дела...
Но я – человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То ревность подому, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: Что делаешь, делай скорее.
21 февраля 1914

Голос из хора

Как часто плачем – вы и я –
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!
Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!
Лжи и коварству меры нет,
А смерть – далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!
И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...
Весны, дитя, ты будешь ждать –
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать –
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...
Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!
6 июня 1910 – 27 февраля 1914

Последнее напутствие

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.
Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь – она вошла.
Вот она – с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.
Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?
Это – легкий образ рая,
Это – милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.
Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...
Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потюмили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...
Лесть, коварство, слава, злато –
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость –
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...
И опять – коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец –
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?
Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...
А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.
14 мая 1914

«Смычок запел. И облак душный...»

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей – то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...
14 мая 1914

Королевна

Не было и нет во всей подлунной
Белоснежной плеч.
Голос нежный, голос многострунный,
Льстивая, смеющаяся речь.
Все певцы полные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.
Темный рыцарь, не подняв забрала,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.
Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни
Из высокого окна.
И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...
Да еще – души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель, –
Не вернется никогда!
28 ноября 1908 – 16 мая 1914

«Ты жил один! Друзей ты не искал...»

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.
«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..»
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»
26 августа 1914

Осенняя воля

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.
Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.
Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.
Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или – каменным путем влекомый
Нищий, распевая псалмы?
Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.
Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю..
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю..
Много нас – свободных, юных, статных –
Умирает, не любя...

Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!
Июль 1905, Рогачевское шоссе

Русь

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почиешь, Русь.
Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,
Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.
Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.
Где буйно заметает вьюга
До крыши – утлое жильё,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.
Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины..
Так – я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.
Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.
И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.
Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах ты,
И вот – она не запятнала
Первоначальной чистоты.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне поживает Русь.
Она и в снах необычайна,
Ее одежды не коснусь.
24 сентября 1906

Митинг

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Мотали прямо и без блеска
Слепые огоньки.
А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он но чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.
Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.
И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.

Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.
Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеял.
И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.
Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.
И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.
Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.
Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...
Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.
И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.
Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.
И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетающий
И радость – без конца.
И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.
Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.
10 октября 1905

«Я ухо приложил к земле...»

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хрипый голос..
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:

За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новью,
Пройдет весна – над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.
3 июня 1907

«В голодной и больной неволе...»

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?
Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.
Народ – венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного – и нам.
15 февраля 1909

3. Гиппиус (При получении «Последних стихов»)

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневами звенящих строк!
Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...
Но в дали я вижу – море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!
Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.
Высоко – над нами – над волнами, –
Как заря над черными скалами –
Веет знамя – Интернационал!
1-6 июня 1918

«Сердитый взор бесцветных глаз...»

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий – таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере – ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движеньях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам

Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов – несчастному тому...
О, не глядеть, молчать – нет мочи,
Сказать – не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой среди ночи),
Скользкой поступью скользя,
Идете – в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, –
Ваш образ, дорогой навек...
А там:
Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от грустной этой жизни!
Кричит погибший человек...
И март наносит мокрый снег.
25 марта 1914

«Как океан меняет цвет...»

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, –
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.
4 марта 1914

«Бушует снежная весна...»

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел:
Ценою жизни
Ты мне заплатишь за любовь!
18 марта 1914

«О да, любовь вольна, как птица...»

О да, любовь вольна, как птица,
Да, все равно – я твой!
Да, все равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!
Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!
Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь – звездам!
Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,

Кармен, твоих духов...
И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.
Да, я томлюсь надеждой сладкой.
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...
За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, –
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!
28 марта 1914

«На улице – дождик и слякоть...»

На улице – дождик и слякоть,
Не знаешь, о чем горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.
Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!
Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затемят случайным весельем
Сонливые очи твои.
За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!
10 декабря 1915

«Похоронят, зарюют глубоко...»

Похоронят, зарюют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.
Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко – там осень,
Если бурно – там, значит, весна.
Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.
Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.
18 октября 1915

«Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...»

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух.
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.
Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитать ты умел,
Что грядущие ночи – темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.
Вот – свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.

И тому, кто не понял вещания звезд, –
Нестерпим окружающий мрак.
И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, –
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...
Было время надежды и веры большой –
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...
А теперь – тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душой тогда,
От того отвернуться пришлось.
И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, –
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.
И остались – улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...
Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей
Называвшихся прежде людьми.
Ты – железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.
9 июня 1916

«Свирель запела на мосту...»

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.
Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...
Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..
22 мая 1908

1 Самой дорогой, самой прекрасной... Бодлер (фр.).

2 servus – reginae – Слуга – царице (лат.)

3 В полную меру (лат.) – лозунг Бранда, героя одноименной драмы Генрика Ибсена

4 Се – человек! (лат.)

5 картина В. Васнецова

6 Стихи Полонского.

7 Предрассветная тоска (лат.)

Сборник стихов. А. А. Блок blokaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://blokaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!